

И. В. ЗАВАДСКИЙ

И. П. Павлов в лаборатории

Затертый провинциальными дразгмами, я в 1907 г. из Одессы переехал в Петербург и вскоре попал в Институт экспериментальной медицины. Конечно, первый мой визит был в лабораторию Павлова. В то время внешний вид лаборатории был более чем скромный: небольшое двухэтажное здание, асфальтовый пол, потертая, истрепанная обстановка, аппаратура, по большей части кустарная, собственного производства. Ничто не указывало на то, что ты находишься в том месте, где проходит жизнь и работа известного ученого, признанного всем миром. Вскоре наступил полдень, и из всех маленьких комнат вышли работники на получасовой отдых и завтрак. Пришел со стаканом чая и сам руководитель лаборатории, но приход знаменитого профессора ничем видимым не отразился на поведении окружающих. Не слышно было каких-либо особенных приветствий; не было даже хотя бы временного смягчения тона разговаривающих — горячее обсуждение текущей работы шло так же, как и без Ивана Петровича

Нужно сказать, что и сам Иван Петрович своим поведением мало чем отличался от остальных присутствующих: он горячо рассказывал о работе лаборатории, в споре подавал реплики и сопровождал свою речь энергичными жестами и мимикой. Передо мной бушевал поток могучей коллективной мысли.

Спустя короткое время я имел беседу с Иваном Петровичем по поводу моего желания поработать под его руководством. В беседе с глазу на глаз он был так же прост. Никаких лишних вопросов, например, кто я таков, откуда я, не было и в помине. Я был только спрошен, сколько времени я могу отдавать работе, и после ответа «сколько потребуется» я был принят в число сотрудников. С тех пор в течение двух лет я был непременным участником общей работы.

Скажу сначала о порядках в лаборатории. Продолжительность рабочего дня была 9 час.: с 9 час. утра до 6 час. вечера. Редко кому, и то по уважительным причинам, разрешалось работать меньше. Сам руководитель подчинялся тому же режиму и отсутствовал только в часы обязательных занятий в Военно-медицинской академии и Академии наук. Всякий работник в любой час мог беседовать по делу с руководителем, который со своей стороны непрестанно обходил рабочие комнаты, следил за работой, давал советы и указания, радовался успехам и утешал при неудачах. Существовало и, должно быть, и сейчас существует мнение, что такое пристальное и неустанное руководство угнетает, тормозит самостоятельную деятельность. Я смело могу сказать, что такое суждение в отношении Ивана Петровича есть продукт болезненного самолюбия, которым, к сожалению, наделяно большое число наших научных руководителей.

Передо мной было много примеров того, как Иван Петрович умел наладить коллективную работу, как ни одна способность работника не пропадала даром и ни одно разумное его предложение не было отвергнуто.

Правда, бывали иногда и неприятные стычки с Павловым, и подчас его резкие слова не находили себе оправдания и объяснения в реальной обстановке работы. Но в этом случае, мне кажется, нужно было удивляться только тому, насколько разум Ивана Петровича всегда доминировал, возвышался над всеми другими свойствами его натуры. Нередко через короткое время после резкого выпада по поводу действий или слов сотрудника Иван Петрович приходил в общую комнату и совершенно просто объявлял, что изруганный им работник был вполне прав, что лаборатория должна считаться с его мнением и что необходимо исполнить его предложения. Более того, всякая удачная мысль, а в особенности подкрепление ее на опыте, приводила Ивана Петровича в такой восторг, что в течение нескольких дней все его знакомые должны были выслушивать горячие дифирамбы по поводу гениальности приезжего, и безызвестный, скромный и неотесанный провинциал становился героем дня.

Вот что говорил Иван Петрович в одной из своих речей: «Я могу входить здесь в дальнейшие подробности, но позвольте мне при этом случае со строгой правдивостью засвидетельствовать, что проследивание сложнонервных явлений в этом пункте, с их закономерной сменой, в зависимости от силы раздражителей, принадлежало к сильнейшим научным ощущениям, которые я когда-либо испытывал во время моей научной деятельности. А

я только присутствовал при этих опытах; их делал один из моих молодых и деятельнейших сотрудников...»

Разве в приведенных примерах есть признаки подавления самостоятельной деятельности? Для меня в них чувствуется другое: это громкий клич — дорогу молодому способному поколению!

Бурный и горячий, Иван Петрович никогда не упивался властью и славой, никогда не унижал другого. Внешние выражения почтительности для него просто были противны. Один молодой русский врач, красивый собой, прекрасно одетый, получивший воспитание и образование за границей, был принят очень любезно; Иван Петрович, как истый биолог, любил красивых людей, сам лично провел он его по лаборатории, показывал и разъяснял. Но вдруг зазвучали жесткие ноты: «Я — Иван Петрович или профессор». Приезжий врач назвал его «Ваше превосходительство». Еще через несколько минут мы видим: Иван Петрович быстро удаляется в свой кабинет и произносит какие-то резкие слова, что-то вроде «собачья кличка». Оказывается, заграничный воспитанник снова обмолвился «Вашим превосходительством».

Иван Петрович был удивительно мягок и любезен ко всякому, кто проявлял интерес к делу, — будь то профессор, врач, служитель или даже ребенок.

У научного работника, и особенно у такого, как Иван Петрович, единственной меркой для человека служили только продуктивность его работы и любовь к науке. Обладаешь знанием, умеешь работать — хорош; не знаешь, не хочешь знать, не умеешь работать — плох. Все в жизни относительно: нет ни абсолютно хороших, ни абсолютно плохих. Плохого при соответствующей обстановке можно сделать хорошим или, по крайней мере, можно сделать полезным работником. Именно поэтому отстранение от работы даже неспособных работников в лаборатории Павлова случалось очень и очень редко. Иван Петрович всякому умел дать работу по силам и способностям. Он отлично понимал, что прогресс науки только в коллективном труде, и на себя самого смотрел как на хранителя и руководителя коллективной мысли и работы.

Иван Петрович никогда не считал науку чем-то самодовлеющим, оторванным от жизни. Он ясно сознавал, что жизнь может быть построена только на научной основе, что метод научного мышления есть наилучший логический метод и научная школа есть в то же время и жизненная школа.

Вот в этом и лежит причина его снисходительного и бережного отношения даже к плохим работникам. Он хотел всякому дать

возможность пройти ту школу, которая научила бы полезной работе. Нужно сказать, что и в этом вопросе Иван Петрович вполне прав. Ни почести, ни слава, ни богатство не удовлетворяют и не могут удовлетворить разумного человека. Истинное удовлетворение, истинное счастье можно найти только в сознании полезности и продуктивности своей работы.

<1941>

